

ЛЮБИТЕ ЛЮБИМЫХ

Марк
ПАВЛОВИЧ

портрет актрисы Татьяны Лавровой

МОЖЕТ ли актриса быть виновной в том, что роль ускользнет, как сновидение? И кто вообще может быть в этом виновен? Когда спектакль только еще собирается по осколкам, то все, что творится на сцене, напоминает клубок, из которого выглядывают множество разноцветных концов.

Подруги Татьяны Лавровой предупредили корреспондента, что идти к ней сейчас лишено смысла. Это тот период, когда она не в силах разговаривать о чем-либо, кроме своих неудач. Так — каждый раз, когда готовится новая роль. Она — вся в растерянности.

Татьяна Лаврова родилась под Близнецами. Человек она особый и сложный, недаром поэты посвящают ей книжки. В ней нашли приют противоположные человеческие черты: страсть к успеху и боязнь его, детская наивность перед людьми и паническая неуверенность, и непоколебимая жизнью убежденность. Она знает свои слабости и знает, что ничего не сумеет сыграть, если роль не будет впитана в самую ее кровь. Она мало рассказывает, а больше спорит, и, увидев ее такой, вы дадите себе слово, что никогда в жизни не будете о ней писать. Но не поддавайтесь этому заблуждению. С вами обязательно случится то, что случается со многими: ваш блокнот сам собой начнет заполняться записями, и в один прекрасный день вы с удивлением обнаружите, что статья уже написана.

Татьяна Лаврова — на репетиции, сказала корреспонденту секретарь директора МХАТа. Где именно? Трудно сказать. Но она слышала вопли и крики где-то наверху.

— Вы, наверное, не часто бываете здесь? Это там, где такое зеркало, знаете?

Татьяна Лаврова стояла у зеркала, повернувшись к нему лицом.

— Что я думаю о своей роли? Но это бессмысленно — говорить о том, что еще в работе.

— А что вам сказал Олег Ефремов на репетиции?

— Когда? В какой день, в какой час? Мы выясняем.

— Вы снова после большого перерыва вернулись во МХАТ и сразу получили роль Аркадиной. Наверное же, вы придумали для нее что-нибудь новое?

— Нет, это смешно. Все подходит и только об одном и спрашивают: вы уже придумали что-нибудь или нет?

— Но должна же у вас быть хоть какая-нибудь концепция?

В зеркале отразились ее глаза. Татьяна Лаврова скорбно улыбнулась Татьяне Лавровой и получила ответ. Репетиционная комната дышала, всплескивалась кашлем, хрипела шепотками. За высокими окнами — снежная крупка, накрахмаленные крыши и железобетонные, накрахмаленные снегом воротнички.

— А что такое концепция? Где вы видели удачный чеховский спектакль, который бы строился под концепцию? Текст распыляет все, ничего не получается. Никакие формы не выдерживают очной ставки с самим писателем.

Женщина, которая стояла перед корреспондентом, не укладывалась ни в какие представления о всемирно знаменитой актрисе. Она смотрела на него так, словно все зависело от него.

— Вы понимаете, что «Чайка» — самая загадочная пьеса? Ну как, по-вашему, ее можно расшифровать?

— Мы с вами интересно разговариваем: вы спрашиваете, а я должен отвечать.

1

Театр — как любимая: он дает вам все, что вы в нем открыли. И каждая театральная премьера полна несогласий, полемик, нарушений границ и доказательств своей правоты. И каждая театральная премьера — хороший повод порассуждать. И замечательно. Побольше бы поводов.

— Я вам завидую, — сказала Татьяна Лаврова. — Мне, чтобы познакомиться с «Чайкой», потребовалась вся жизнь, а вы хотите все понять за полчаса. Я завидую вашим способностям.

Корреспондент проглотил пилюлю. Он-то, по роду своих занятий, хорошо знал, что каждая премьера «Чайки», с тех пор, как она была написана, вызывала звонкие споры, каждая объявлялась либо «премьерой века», либо «отходом от Чехова». Вокруг озера, где была убита чайка, гремели похоронные залпы, то тщеславные салюты побед. Шаткое равновесие озерной воды. Невыяснимый источник театральные сомнения. Когда этот источник несколько замутился от многочисленных омовений, к нему то и дело стали подливать свежее, прозрачные до ясности искусственные ручейки сегодняшних истин.

— Мы научились досказывать то, чего не сказал писатель, и не досказывать то, что он сказал, — заметила Татьяна Лаврова.

Истина в искусстве. Кажется, это легко. Если нашел истину, то потому, что следовал Станиславскому, если не нашел, то потому, что не следовал. Но кто наберется духа положить перед публикой истину и сказать: вот она? Может ли быть искусство там, где все ясно? Когда ясно, романа не возникает ни в жизни, ни в театре, а лучшим случае созревает трактат. Жизнь любит внутреннюю борьбу, загадки, а художник умнеет вместе со своими героями. Только окончив роман, можешь его разлюбить. И только разлюбив, понимаешь, как это было далеко от задуманного.

Сколько десятилетий одна и та же чайка, как мольба и призыв, как символ и заклинание, взмывает на театральном занавесе. Менялся только охотник. И менялись люди у озера. У одних — это пудов любви, у других — не меньшая тяжесть ненависти. Чеховские реплики звучали то как романтический всплеск, то как знак всеобщей доброты, то как всеобщая российская говорильня, то как взвинченные выпады в охватившей всех

склоке. Озеро то сияло светлой чистотой, то готово было полыхнуть от одной искры, то дышало застоявшейся духотой коммунальной вражды. Споры вокруг убитой птицы были то очень далекие, гамлетовские или декадентские, то совсем близкие, будто только что с пылу, с жару, только что вышедшие из-под пера.

— Но, Татьяна Евгеньевна, это уже третья «Чайка» в вашей актерской жизни и третья роль в ней. Значит, у вас не может не быть собственных суждений о пьесе. Я еще не встречал таких молчунов, как вы.

— А вы привыкли, что актеры все болтуны и трепло? Потому что мы много говорим? Но разговоры об искусстве — еще не искусство. Когда мы что-то знаем, мы ни-когда не скажем. Мы наговариваем только тогда, когда ищем. Говорим, говорим, а потом вдруг — ключочек: зацепился и тогда... И наступает тайна, которую никто не узнает.

Корреспондент заметил, что Татьяна Лаврова украдкой наблюдает за ним. Глаза ее становились все более приветливыми.

— Ох, Татьяна Евгеньевна! Они шли в сторону зала, мимо кулис. Монтировали первые декорации. Сцена вздрагивала, постукивала, оживала.

— Где же ставим озеро? — спрашивал у всех человек с молотком и гвоздями.

2

Девочку, которая впоследствии станет известна под актерским псевдонимом Лаврова, звали Татьяна Андриканис. Ее мать и отец, знаменитые кинематографисты, сказали, что пальцем не шевельнут для того, чтобы она стала актрисой. Как теперь то же самое она говорит своему сыну. Как, возможно, в один прекрасный момент могла бы своему сыну сказать и Аркадина.

Слегка подругивая пубы и обметав пальчики маникюром, она сама отправилась в студию МХАТа, где ежедневно у дверей приемной комиссии стояли будущие знаменитости: Нина Веселовская, сыгравшая через два года Дашу в «Хоминении по мукам», Евгений Лазарев, сыгравший через пять лет главную роль в фильме «Суриков», будущие актрисы «Современника» Аня Покровская и Лена Миллиоти, будущие актеры Театра имени Маяковского Саша Лазарев и Ромашин. Ждали результатов.

Шедший мимо член комиссии внезапно остановился около Тани: «А вы приняты. Поздравляю».

— Только не вздумайте кружить голову нашим ребятам. Ах, шалуниска!.. Постойте!..

Но было поздно. Она лежала на полу без сознания.

Будучи студенткой, Таня начала играть на сцене МХАТа. Боже! Ее прадед Савва Морозов отдал этому театру состояние — она готова была отдать жизнь.

— Попасть в то время на сцену МХАТа, играть вместе с Тарасовой, Андреевской, Мас-

У НАС
В ГОСТЯХ
ЖУРНАЛ

СЕЛЬСКАЯ

сальским, Яншиным, Болдуманом... Ведь я же еще ничего не понимала, только чувствовала.

Тарасова была Аркадиной, Татьяна Лаврова — Ниной Заречной. Ее щеки пылали, как факел. Правда, не долго. Это оказался особый вариант «Чайки», где во избежание путаницы все герои были либо очень строго отрицательными. Путь не было, но не было и споров, и шума, и сенсаций. Была вежливость и безмолвие — в ногах актрисы — партер.

Театральный бум последних десятилетий принято объяснять стойкостью, которую театр проявил в соперничестве с телевидением и кино. Однако не пора ли обратить внимание театральных актеров на то, что именно теле- и киноэкран создали им популярность? И создали именно тем, кому захотели. Впервые мир зрителей узнал о существовании актрисы Лавровой из фильма «Девять дней одного года» — роль Лели, которую критики приняли без всякой критики. На Международном кинофестивале в Карловых Варах она была признана лучшей женщиной. Журни поразило ее спокойное, уравновешенное и потому — внутреннее ироническое существование в атмосфере рвущихся, клочущих ритмов полемики двух суперличностей — Гусева и Куликова, Баталова и Смоктуновского, в паузах и бешеной гонке, созданных сверхскоростным, сверхбуйным оператором Германом Лавровым.

Потом киноведы разберутся и напишут о ее актерском такте: новенькая вела себя вежливо, ничего не сделала, чтобы популяризовать свою героиню и ее мысли (а ведь таковые, наверняка, имелись), она лишь аккомпанировала двум главным героям и не мешала их диспуту. Сомнительно. Ибо когда героиня совершает свой выбор в пользу одного из соперников, то в самом факте предопределен и исход спора. Татьяна Лаврова, хотела она или нет, вставила свое слово в этический спор, зная, вероятно, что это не порадует Михаила Ромма.

Это не порадовало Михаила Ромма, потому что он сам не знал, кого должна любить Леля. Для него она была не более чем приз, красная лента победителя, что-то вроде Анны на шее. Он заранее увенчал этой наградой Гусева и все, что дальше, ему было все равно.

Но ей-то все равно не было. Она говорила об этом каждой своей репликой, говорила еще наощупь, словно репетируя те театральные и кинороли, которые еще впереди, — роли женщины, любимой лишь в свободные от основных дел часы...

[Полностью очерк М. Павловича будет опубликован в одном из номеров журнала «Сельская молодежь» за 1981 год].